

ДОСЬЕ "СМЕНЫ"

Петр Ефимович ТОДОРОВСКИЙ - режиссер-патриарх. Почти сорок лет тому назад он дебютировал кинофильмом "Верность". Затем последовали картины "Любимая женщина механика Гаврилова", "Военно-полевой роман", "Интердевочка", "Анкор, еще анкор!".

И сегодня Петр Тодоровский - на съемочной площадке. Он занят съемками сразу двух фильмов. Первый называется "Жизнь забавами полна" и расскажет о жизни густонаселенной московской коммуналки. А фильм "Созвездие быка" - о военном времени.

Военно-полевые песни Петра Тодоровского.

Петр ТОДОРОВСКИЙ:

"Когда нет запретов, начинаешь теряться"

- Вы работаете в кино давно, застали еще те времена, о которых молодое поколение и не помнит... В какое время для вас было тяжелее работать в кино и какое время было наиболее плодотворным?

- Самое легкое время было, когда мы были молоды. Мы снимали свои первые картины без оглядки. Так получилось, что я попал в серьезную, настоящую большую работу в кинематограф, когда наступила легкая оттепель. Благодаря приглашению Марлена Хуциева я свои первые профессиональные шаги делал на замечательной картине "Весна на Заречной улице". Это было счастье, потому что снималась лента легко, весело, здоровье было отличное. Мы работали и днем и ночью и называли в шутку фильм "Без сна на Заречной улице". А сил сколько было, энергии! После съемочного дня все еще продолжалось в общезнании до четырех часов, а утром нас директор группы за уши тянул в душ.

- А когда закончилась оттепель, что было потом?

- Потом, конечно, возникли проблемы. Но, вы знаете, у меня в этом смысле очень счастливый характер. В то время, когда начинался разгром, я уходил в себя и был счастлив тем, что никогда не занимался конъюнкту-

рой. Не потому, что я специально поставил себе такую цель, просто, видимо, не мог, не был готов, я органически не переносил и не понимал, что такое актуальность. Например, в стране произошло какое-то событие, и я должен немедленно это показать. Меня такие мысли никогда в жизни не посещали.

Я снимал то, что мне хотелось, и этим спас свою душу. Сам удивляюсь, как мне это удалось. Помню, снимал на киевской студии "Военно-полевой роман". Все остальные творческие объединения отказались от сценария, и его не брали в производство, говорили: "Зачем снова возвращаться в то время - разруха, неустроенность, коммуналки..." И когда я привез картину в Москву и показал в Госкино, первый заместитель Павленов и главный цензор мне сказали: "Завтра в 11 утра обещание". И я понял, что дело неладно. Потом было готово заключение из 19 пунктов. Первый пункт гласил - убрать все коммуналки. Я рассмеялся и сказал: "Конечно, это уже не моя работа, это кто-то другой должен делать".

- Сегодня никто больше не запрещает показывать коммуналки. Как вам сегодняшнее время?

- Когда нет никаких запретов, то начинаешь теряться. Нет людей, которые бы могли тебе помочь, идет такая разобщенность, и ты сам варишься в собственном соку, в собственном котле. В этом смысле не так просто сориентироваться.

Тем не менее я понимаю одно: у меня в картине должны быть живые, узнаваемые

людьми тем, которые он ощущал в своей жизни, я считаю, кино удалось.

- Вы сторонник эмоционального кино?

- Я не знаю, как это можно обозвать, но для меня это аксиома: зритель, придя в кинозал, должен забыть, что он смотрит кино, он должен включиться в происходящее, сопереживать. При этом он может даже не понимать, о чем фильм, но он живет и дышит вместе с ним.

- Сейчас вы снимаете сразу два фильма. Откуда силы, энергия?

- Сил нет, есть только желание и, видимо, какие-то качества характера. Я всю жизнь был оптимистом, веселым, легким человеком. Постепенно эти качества уходили, но какие-то их остатки сохранились в душе, и эти вот остатки мне помогают.

- Герои вашего нового фильма "Жизнь забавами полна" - жители последней столичной коммуналки. Картина, как всегда, будет о любви?

- Нужно, чтобы кто-то кого-то любил - толстых, худых, одиноких, робких, больных... Обязательно нужно, чтобы кто-то кого-то любил. Вот про это мое кино.

**Нужно,
чтобы кто-то
кого-то любил**

люди, их страсти, их радости и переживания. Потому что это то, ради чего я могу заниматься искусством. В центре должен стоять человек, особенно мне интересны те моменты, что с нами происходит, когда мы остаемся наедине с собой. Например, я очень трудно разговариваю с начальством. А лежа дома на диване, я такой борец, всех ставлю на свои места. У каждого человека есть какие-то тайны. Если режиссеру хоть немножко удастся наполнить героев фильма даже не то чтобы узнаваемыми ситуациями, а ощущениями, подоб-

Беседовали
Евгения СУНЦОВА,
Елена ФОМИНА